

ЖЖВА

№ 49. Выходит еженед. (52 №№ в год), с прилож. 40 кл. „Сборника“, содерж. соч. Д. Н. МАМИНА-СИБИРЯКА, В. ГАРИНА, А. П. ЧЕХОВА и ДЕ-НОСТРА, 12 кл. Литерат. и попул.-научн. прил., 2 повыл. специальныя карты театра военных действий, 12 №№ „Новейших модъ“ и 12 лист. черт. и выкр. Выдаеь 8 декабря 1916 г. Подписная цѣна съ дост. и перес. на годъ—10 р., на 1/2 года—5 р., на 1/4 года—2 р. 50 к. Цѣна этого №—20 к., съ перес. 25 к.

Перепечатка иллюстрацій и текста воспрещается. (Законъ 20-го марта 1911 г.).

Борьба съ роскошью въ Англии.

Очеркъ К. Чуковского.

Недавно въ нашемъ изданіи выходила книга К. Н. Чуковского „Англія накануне побѣды“. Какъ известно, К. Н. Чуковский былъ приглашенъ на англійскій фронтъ британскимъ правительствомъ въ качествѣ представителя „Ниви“. Его книга и является отчетомъ объ этой побѣдѣ. Приводимъ изъ этой книги одну главу, посвященную животрепещущему вопросу „о дороговизнѣ“.

I.

Письма въ редакцію.

Даже обгорѣлыя спички не пропадаютъ въ Германіи даромъ. Нѣмецъ, закуривъ папиросу, не выброситъ потухшей спички, а спрячетъ ее бережно въ коробочку, чтобы спичечныя фабрики снова придѣлали къ ней головку и пустили вторично въ оборотъ.

Въ результатъ экономія огромная. Сколько берегается дерева.

Такое нѣмецкое плюшкинство взбудоражило англійчанъ чрезвычайно. Англійская газета „Daily Mail“ даже снимокъ съ этой спички напечатала: „Вотъ урокъ, достойный подражанія“.

— У нѣмцевъ даже спички и тѣ берегаются, а мы мотаемъ свое добро, какъ безумные,—подхватили другія газеты и стали наперебой приводить примѣры необузданныхъ тратъ.

Вотъ ужъ полгода какъ призывъ къ экономіи сдѣлался въ Англии лозунгомъ.

— Долой воротнички и манжеты!—призываетъ, напримѣръ, „Daily Mail“. — Откажитесь отъ крахмального бѣлья! Вѣдь въ Англии ежедневно крахмалится пятьдесятъ миллионовъ штукъ манишекъ, воротничковъ и манжетъ! Въ годъ два съ половиной миллиарда! Сколько тратится крахмала и угля! На семьдесятъ миллионовъ рублей!

А какая-то матрона въ „Daily News“ съ энтузіазмомъ проповѣдуетъ фартуки. Фартукъ съэкономитъ миллионы. Благоденствіе нации въ фартукѣ. Купите самого простого коленика, сшейте фартуки дѣтямъ и взрослымъ, и пусть носятъ ихъ, не снимая, весь день. Это сказочно сохранить ихъ одежду.

Начался лобовитѣйшій спортъ: кто кого превзойдетъ въ экономіи. Во всѣхъ газетахъ замелькали замѣтки:

— Какъ изъ старой шляпы сдѣлать новую.

— Какъ изъ газетной бумаги сшить себѣ матрацъ и одѣяло.

Вѣдь вотъ нѣмцы: сдѣлають изъ газетной бумаги лапшу и подстилають подъ коровъ, какъ селому! По сообщенію „Times“, гамбургскій профессоръ фонъ-Менеръ придумалъ даже удивительный способъ превращать газетную бумагу въ кормъ для домашняго скота!

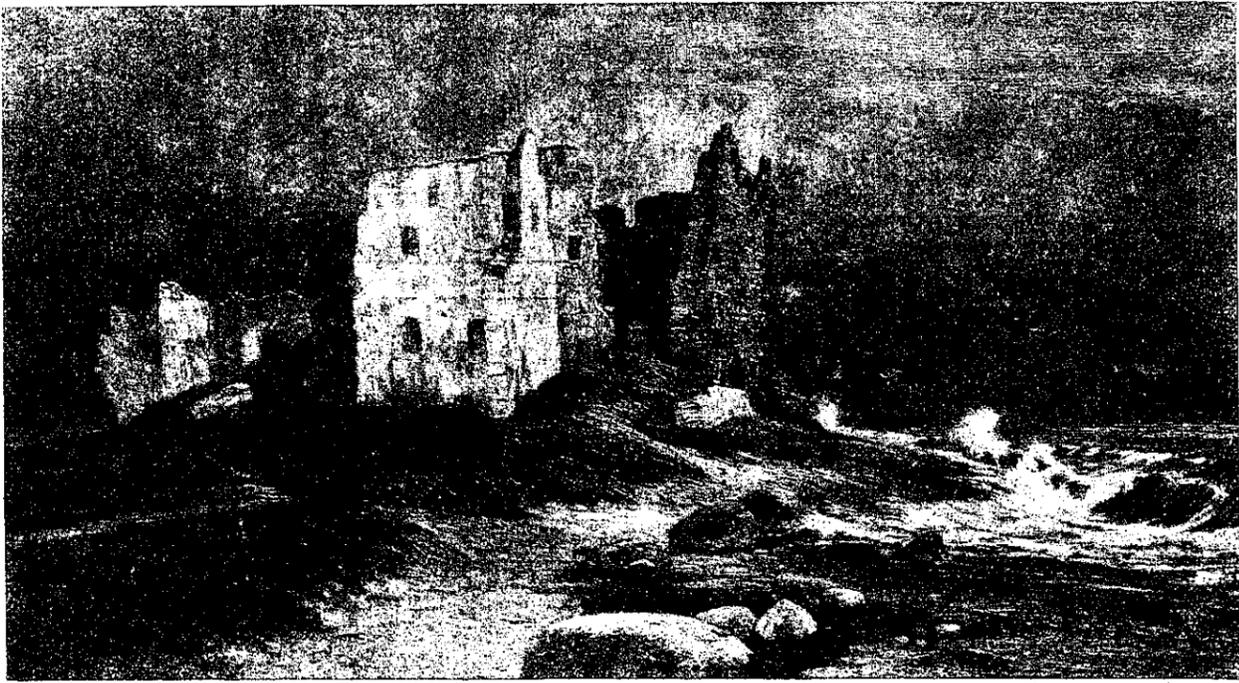
— Такимъ образомъ,—возвѣщаетъ профессоръ,—тѣ самыя газетныя листы, которые питаютъ собою умы и сердца человѣческія, сдѣлаются кормомъ для коровъ и дадутъ намъ молоко и бифштексы.

Шустрый листокъ „Daily Mail“, захлебываясь, пропагандируетъ курицу. Если Римъ былъ спасенъ гусями, то Лондонъ спасутъ только куры. Устройте у себя на квартирѣ курятники и кушайте бесплатную яичницу. Лондонцы даже крыши домовъ превратили въ куриное царство. И стали похваляться въ газетахъ:

Ея Императорское Высочество Великая Княгиня Викторія Феодоровна, награжденная тремя Георгіевскими медалями за самоотверженную работу на передовыхъ позиціяхъ.

Портретъ работы И. Космина, удостоенный рѣдкой награды—медали имени Вяже Лебренъ на конкурсѣ 1916 г.

Эпилогъ. Замокъ меченосцевъ въ Эстляндіи.

Р. Берггольцъ.

(Осенняя выставка Товарищества художниковъ).

— Въ концѣ февраля я купилъ семь куръ и получилъ отъ нихъ въ октябрѣ 792 яйца. Кормъ стоилъ пустяки: 10 рублей,— пишетъ мистеръ Фромъ въ „Daily Mail“.

— А мои восемь курочекъ дали мнѣ за три мѣсяца 430 яицекъ, и какія свѣжія, крупныя! — подхватываетъ мистеръ Ланголокъ.

Всѣ охвачены азартомъ бережливости. Экономія стала общей религіей. И пусть въ этихъ бытовыхъ планахъ о сбереженіи національныхъ богатствъ много наивно, анекдотически дикаго, я все же чувствую въ нихъ отраженіе гениальной англійской гражданственности, внушающей всякому Джонсу и Локонсу, будто они страшно ответственны за судьбу Великобританской имперіи. Ничего, что въ экстазѣ благого порыва многое доведено до смѣшного! Самый этотъ экстазъ не смѣшонъ, самый порывъ патетиченъ. Обществу порою бываетъ полезно помѣшаться на какомъ-нибудь пунктѣ, сдѣлать его своей идеей. Ничего, довести его почти до абсурда: тогда-то онъ и выдѣрится въ сознаніе самыхъ апатичныхъ и вялыхъ. Пусть экономія превратится въ магию; магія вѣдь бываетъ заразительна.

Не смѣйтесь же надъ смѣшными проектами: въ Англии и изъ этого мусора умѣютъ извлечь драгоцѣнности.

Всякая, даже самая большая, реформа начинается въ Англии именно съ „писемъ въ редакцію“, съ наивнѣйшихъ, недѣльничихъ проектовъ.

Всѣ бытовые „писемъ въ редакцію“ англійскія газеты немалымы. Онѣ печатаютъ эти письма въ большомъ изобиліи, по десяти, по двадцати ежедневно, покуда взбудораженные ими читатели не устроятъ на какой-нибудь площади или въ какомъ-нибудь паркѣ подъ деревомъ митингъ, въ результатѣ котораго — тутъ же на воздухѣ — возникнетъ многошумная лига.

Лига зашумитъ, загремитъ, засыплетъ всѣхъ памфлетами, воззваніями, и вотъ черезъ какой-нибудь мѣсяцъ въ парламентѣ уже засѣдаетъ комиссія, гдѣ лучшіе умы государства превращаютъ бытовые бредни въ стройные и строгіе законы.

Сперва отдѣльныя личности, потомъ общественные союзы, затѣмъ правительство, законодательная власть, — таковы этапы, которые въ Англии чрезвычайно быстро проходятъ всякая общественно-полезная мысль.

Мысль о сбереженіи національныхъ богатствъ пошла по тому же пути.

Сначала умные и глупые совѣты, сочиняемые всякой мелкотой и печатаемые въ видѣ „писемъ въ редакцію“. О чемъ только не говорилось въ этихъ письмахъ!

О томъ, что каменные уголья вдвое дольше горятъ и даютъ вдвое больше тепла, если ихъ обрызгать соленой водой.

О томъ, что картошку въ военное время выгоднѣе бить съ шелухой.

О томъ, что для удешевленія лѣкарствъ школьники должны собирать на каминныхъ цѣлебныхъ травахъ.

О томъ, что вечерней газетой съ успѣхомъ замѣняется пыльная тряпка для вытиранія картинъ и зеркалъ.

О томъ, что комнатное разведеніе кроликовъ — занятіе дешевое и прибыльное.

И такъ дальше, и такъ дальше, и такъ дальше. Все чаще стали вспоминать поговорку: „когда нѣту мыши, кошка довольствуется и мухами“.— и вотъ двѣ дамы, Мэри и Джонъ Файндлэттеръ, напечатали милую повѣсть подъ заглавіемъ: „Довольны и мухами“, гдѣ весело и подробно рассказывается, какъ экономно онѣ вели хозяйство въ Шотландіи, безъ прислуги, сами стряпали и мыли полы.

А нѣкто, скрывшійся подъ псевдонимомъ Survivor, обнародовалъ книжку „Какъ жить безъ прислуги. Новый обрѣтенное семейное счастье“.

Эти письма, брошюры, статейки вызваны стихійнымъ порывомъ, не нашедшимъ еще широкаго выхода, не воплотившимся еще во всенародную волю.

Но скоро этотъ хаосъ оформился. Разрозненные вопли и жалобы начали сливаться въ общій хоръ. Появилась „Лига экономіи“, и не одна, а десятки.

II.

Лига.—Выставка экономіи.

Жена пэра, богатѣйшая дама, леди Джульетта Деффъ заявила газетнымъ сотрудникамъ, что въ своемъ домѣ-дворцѣ она для сокращенія расходовъ почти совсѣмъ упраздняетъ обѣды: по-жуетъ немного мяса и сыра — вотъ и весь ея „военный обѣдъ“. Въ гости не ходитъ и къ себѣ не зоветъ опять-таки во имя экономіи; платья носитъ старыя, поношенныя и убѣждаетъ друзей придерживаться такой же системы¹⁾.

А леди Корнелия Уимборнъ основала специальное общество — женскую лигу военной экономіи: Women's War Economy League. И въ это общество демонстративно вступили такія аристократки-богачки, какъ герцогиня Сутерлендъ, герцогиня Бьюфортъ, маркиза Рипонъ, княгиня Пемброкъ, виконтесса Ридли, леди Айлингтонъ, — хотя имъ-то для чего экономить! Но каждой барынѣ, конечно, стало лестно примкнуть къ такой сѣтельной лигѣ. Дамы ринулись туда цѣлыми толпами:

Вступающія въ лигу обязываются:

1. Носить старомодныя платья, не глядя за новѣйшими фасонами.

2. Ходить пѣшкомъ, отречься отъ автомобиля. (Прибывать къ таксомотору дозволяется только съ благотворительной цѣлью).

3. Не приглашать никого къ обѣду ни къ себѣ домой ни въ ресторанъ.

4. Не покупать заграничныхъ товаровъ, предметовъ комфорта и роскоши.

5. Разсчитать наKEEP и дворецкихъ, доведя число прислуги до минимума.

Лига сразу приобрѣла популярность, и такъ какъ въ Англии средніе классы всегда подражали высшимъ, а низшіе тянулись за средними, то теперь, когда съ самыхъ верховъ раздаются при-

¹⁾ „Daily Mail“, Aug. 7, 1915.

звать къ экономіи, всякая грошевая скарденность, получивъ великосвѣтскую санкцію, стала признакомъ хорошаго тона.

Обходиться безъ извозчика, безъ портного, безъ повара нынче высшей шикъ, щегольство.

Ежели маркиза Ринонтъ не шьетъ себѣ моднаго платья, то какая-нибудь мисесъ Джонсъ или Джонсонъ съ радостью надѣнетъ прошлогоднее, видя въ этомъ верхъ феишенбельности.

Въ Англии относятся къ костюму очень нетерпимо и требовательно. Этикетъ деспотически строгъ. Но только въ великосвѣтскомъ, но даже въ среднемъ кругу дамы должны являться къ обѣду въ пышныхъ декольтированныхъ платьяхъ: иначе нельзя, неприлично.

Но и на эту вѣковую традицію рѣшились англичане посягнуть. Въ „Times“ нѣкая дама, ссылаясь на военныя тяготы, обращается къ аристократической лигѣ съ мольбою отменить хотя на время войны „сей разорительный и глупый обычай“ („Times“, Aug. 16).

А сокрушительный мистеръ Мьюганъ выступаетъ съ болѣе революціоннымъ проектомъ:

— Къ чорту всякія дамскія тряпки! Намъ не нужно кокетокъ и модницъ! Ихъ бантики, пуговицы, ленточки только разоряютъ страну. Теперь не до бабьихъ капризовъ! Всѣхъ женщинъ безъ различія возраста одѣть, какъ арестантокъ, одинаково: въ одинаковыя кофты и юбки изъ какой-нибудь дешевой матеріи, — ни шлейфовъ, ни декольте, ни корсетовъ! — вотъ и будетъ экономія величайшая, — не то, что отъ яицъ или спичекъ! Миллиардовъ сэкономится безъ счета („Times“, Aug. 10).

Поднялась невообразимая буря. Женщины всего королевства три дня предавали анаемѣ этого нелюбезнаго джентльмена. Его проектъ, конечно, провалился, но и модницамъ пришлось нелегко. Вскорѣ на тысячъ фактовъ англійскаго общества могло убѣдиться, что этотъ призывъ къ экономіи не былъ газетной шумихой. Я съ изумленіемъ, напримѣръ, прочиталъ въ „Daily Telegraph“, что даже фирма знаменитаго Ворта должна была, изъ-за недостатка клиентов, закрыть свое отдѣленіе въ Лондонѣ. Сказалась-таки экономія „тряпокъ“! Двѣсти служащихъ остались безъ мѣста.

Леди Чансъ, почти одновременно съ леди Корнелией Уимборнъ, основала другую подобную лигу, — „Национальную лигу сбереженія провизіи“, устроивъ въ Лондонѣ и въ провинціи классы для обученія дамъ и дѣвицъ дешевой и вкусной стряпни, а также издала руководство „Какъ вести хозяйство на 50 рублей въ мѣсяцъ“.

Для пропаганды своихъ завѣтныхъ идей, эти общества-лиги, союзы придумали множество средствъ, и среди нихъ превосходнѣйшее — „Выставку бережливости“, выставку образцовъ экономіи. Такая выставка, очень помпезная, открылась въ концѣ іюня въ клубѣ конькобѣжцевъ на каткѣ. Чего только на этой выставкѣ не было!

Вольтеровское кресло изъ сахарныхъ яициковъ! Сказочно дешевыя козы со сказочно дешевымъ молокомъ! Волшебныя кастрюли, въ которыхъ одновременно, сразу готовится нѣсколько разнообразнѣйшихъ блюдъ; и супы, и котлеты, и сладкое! Волшебныя сундуки, набитые кирпичами и сѣномъ, гдѣ безъ огня кипятятся всевозможныя компоты и супы. Шикарныя дѣтскія курточки, сшитыя изъ старыхъ отцовскихъ штановъ!

Выставку въ первый же день соблаговолила посѣтить королева. Лордъ-мэръ, открывая выставку, произнесъ вдохновенное слово:

— Бережливость въ тылу—это то же, что доблесть въ бою!

И тутъ же пожертвовалъ пять фунтовъ стерлинговъ для выдачи приза тому, кто вкуснѣе изжаритъ картошку!

Какая-то графиня вслѣдъ за нимъ предложила призъ за лучшей фаршукъ.

На выставкѣ имѣется книга, куда посѣтители вписываютъ свои собственные проекты и планы удешевленія жизни. Кто выдумаетъ лучший проектъ, тотъ получитъ призъ.

Тутъ же кафедра, съ которой популярныя лекторы ежедневно по такимъ-то часамъ проецируютъ мотовство. Выставка стала истинной школой хозяекъ: тѣ такъ и являлись туда, какъ ученицы, съ тетрадочками — для записыванія всяческихъ рецептовъ.

Изъ Лондона выставка направилась въ Ливерпуль, изъ Ливерпуля въ Манчестеръ, стала „передвижной“, въ родѣ нашей художественной, привлекая къ своей пропагандѣ все болѣе союзовъ и лигъ.

Словомъ, безильные, разрозненные обывательскіе вопли стали постепенно сдѣлаться организаціей общественныхъ силъ.

III.

Цѣль экономіи.

Но зачѣмъ же англичанамъ экономить? Развѣ они обдѣлены? Неужели ихъ фантастически-богатыя лорды уже не въ силахъ наряжать своихъ женъ и нанять себѣ хоть тысячу лакеевъ?

Да и самый послѣдній бѣднякъ, — почему онъ долженъ экономить и экономить, если именно теперь-то впервые завелись у него лишніе шиллинги?

Вѣдь на угольныхъ копяхъ, на заводахъ, на фабрикахъ нынче платятъ рабочимъ отлично: у многихъ появились впервые шальвыя, непредвидѣнные деньги, — куда же ихъ, скажите, дѣвать?

Не только всяческіе купцы и подрядчики, но даже солдатыя жены, даже фабричныя дѣвушки, работающія надъ изготовленіемъ снарядовъ, — и тѣ дорвались до такихъ капиталовъ, какіе имъ дотолѣ и не снились!

Имъ, конечно, хочется побаловаться серьжками, леденцами, кинематографомъ, шляпкой, а ихъ за это клеймятъ, какъ преступницъ, и зовутъ измѣнницами родины! Министры, журналисты, священники уговариваютъ ихъ не франтить, не тратить на глупыя прихоти, ибо въ этомъ для Англій пагуба.

Когда же имъ и тратить, какъ не нынче!

Онѣ впервые за всю свою жизнь могли бы вдоволь набѣться мясного, а ихъ призываютъ къ селедкѣ! Селедка, салатъ и сыръ вполне замѣняютъ мясо, — увѣряетъ ихъ газета „Daily News“ — вмѣсто масла можно употреблять маргаринъ... Помните, что каждый рубль, вышпата вами теперь, способствуетъ продленію войны!

Министерство народнаго просвѣщенія ищетъ ихъ бесплатными книжками съ рецептами дешевыхъ обѣдовъ.

Каждый, покупающій въ настоящее время серычъ, драгоценныя камни, мѣха, объявленъ врагомъ государства. Каждый, кто заботится теперь о комфортахъ, считается пособникомъ кайзера.

Откуда же такой ригоризмъ? Почему довольство и сытость признаются теперь, какъ безправственность? Развѣ Англии грозитъ голоданіе? Вѣдь хлѣба подвозится вдоволь: океаны въ рукахъ у англичанъ. Вѣдь въ лавкахъ избытокъ товара. Вѣдь изъ всѣхъ нѣтъ воюющихъ націй англичане меньше всего ощутили экономическій гнетъ. Цѣны растутъ, но не очень. Фунтъ превосходнаго чая — девяносто копеекъ, рубль. Сахаръ, по заявленію

* Въ Англии паекъ, приходящійся на семью солдата-добровольца, часто превышаетъ ту сумму, которую солдатъ зарабатываетъ въ мирное время.

Германское орудіе—забава ребятъ.

И. Владиміровъ.

(Осенняя выставка Товарищества художниковъ).

министра финансов, дешевле, чем где-нибудь в мире. О каких-нибудь хвостах и не слышали. Скажите англичанину, что в России овес вздорожал на 244 процента, — и он подумает, что вы сумасшедший. В Англии только на 30 процентов повысилась стоимость жизни.

У нас бы ликовали и блаженствовали; англичане же кричат караул и основывают цыбми лиги для бойкота вздорожавших товаров.

Где же основания для такой чрезмерной тревоги?

Во-первых, англичане надеются уменьшением спроса добиться понижения цыбм. Министр финансов Мак-Кенна, обращаясь к английским рабочим, сказал:

— Нужно ли доказывать вам, что ваша расточительность во время войны опасна для всего государства. Усиленно покупая продукты отечественной и иностранной промышленности, вы содействуете повышению цыбм, способствуете дороговизне предметов и тем обижаете своих беднейших товарищей. Я согласен, что рабочий, у которого увеличился заработок, в праве предоставить жене и ребятам немного больше комфорта и роскоши, — но не теперь же, не во время войны! А если вы будете сейчас же тратить все излишки своего заработка, то цыбм будут расти и расти, и излишки перестанут быть излишками.

Но дело не в одной дороговизне. Есть и другие причины, побуждающие английское общество проповедывать „святую экономию“.

Предвидятся огромные расходы. Согласно недавнему сообщению премьера, англичане тратят на военные нужды 50.000.000 в день. В четыре дня война поглощает у них столько денег, сколько прежде они тратили в год на просвещение страны. То, что накануне войны составляло годовой бюджет королевства, расходуется нынче в пять недель. На боевое снаряжение армий уходит в день 10.000.000 рублей, и эти деньги никогда не вернутся.

Нужно покупать не предметы потребления, а облигации военных займов. Нужно через посредство сберегательных касс увеличить ресурсы страны. К концу войны национальный долг возрастет на 20 миллиардов рублей. Одних процентов придется уплачивать ежегодно до 900 миллионов.

Страшное количество денег нужно будет выдавать в виде пенсий и рансвязи и семьям убитых. В год не меньше двухсот миллионов.

Словом, государству понадобятся все даже мелкие деньги каждого гражданина-плательщика. Особенно же для него желательно, чтобы деньги уходили из страны. Нации в военное время нужна весь имеющийся у нее капитал и все ее рабочие руки исключительно для ведения войны; те же, кто для удовлетворения собственных прихотей отвлекают от военного дела хоть малую долю ее труда и ее капитала, способствуют ее ослаблению.

— Каждый фунт стерлингов, который вы отложите до окончания войны, — сказал рабочим министр финансов, — обогатит страну ровно вдвое, ибо на двадцать шиллингов увели-

чивается ваш национальный капитал да на двадцать шиллингов остается в запасе непроданных продуктов.

Из тех пятидесяти миллионов рублей, которые ежедневно тратятся Англией на ведение войны, большая доля остается в стране и распределяется среди населения, работающего в военной промышленности. Вот сьбь участия этих-то денег и безпокоится английское общество. Нужно удерживать эти деньги в стране, нужно, чтобы, благодаря их изобилию, не началась эпидемия дороговизны, и, главное, нужно направить эти деньги в сберегательные кассы и в банки, чтобы они снова вернулись в руки военных властей для дальнейшего ведения войны. Кроме того, отрекаясь от предметов комфорта и роскоши, вы освобождаете для военной работы множество повозок и судов, которые нынче заняты доставкой этих предметов.

IV.

„Министерство экономии“.

Кь пропаганде были, конечно, привлечены и могучий трибуна, городской черни—кинематографы!

По заказу министерства финансов изготовили особую фильму подь заглавием: „Для блага Империи“, которая наглядно демонстрировала выгоду (и героическую прототу!) спартанского отречения от разных житейских уладь.

И вот когда всевозможными „письма в редакцию“, митинги, выставки, лиги, плакаты, парламентские спичи, памфлеты, кинематографы и проч., и проч., и проч. внушили всеьм, — даже маленьким дьбамь, — что вь бережливости спасение страны, на сцену выступили власти, правительство, наступила третья последняя стадия организации общественных сил.

Возник особый Комитет Военных Сбережений, иьчто вь роде министерства экономии, и повель затянутое обывателямь дьло разманисто, широко, по-министерски.

Дьло очутилось вь руках у городских самоуправлений, у лорд-мера и провинциальных мэрв, и ть объединили, сконцентрировали всю дотоль разбьзанную энергию лиг и союзов.

Экономия стала государственным дьломь. Во всей странь появились вь продажь особые билетки-сертификаты. Заплатите за зтоть билетикь семь сь половиной — и посль войны вы получите десять рублей. За 15^е шиллинговь вы покупаете 20л. Но если у вась иьтъ серебряных шиллинговь, а сьтъ только мьдьяные пенсы, неужели вамь стоять вь сторонь? иьтъ, вы покупаете клочок сертификата — хоть за четыре копейки! — и посль войны вамь достанется пять.

Всякому приятно купить сьбь гривенник за восемь копеек, — а государству оть зтоть грандиозная польза. Ежедневно оно получает оть самых немущихь слоев населения, по мелочамь, по грошамь, иьсколько миллионов рублей.

Сь каждой неделей количество вкладчиковь не убывает, а все растет и растет. Каждую неделю Комитет Сбережений печатаеть подробный отчеть о количестве купленных „сертификатовь“:

Тать,	
вь понеделньник 3-го июля	
было куплено . . .	253.697
во вторникь 4-го июля	
было куплено . . .	252.946
вь среду 5-го июля	
было куплено . . .	262.102
вь четвергь 6-го июля	
было куплено . . .	246.364
вь пятницу 7-го июля	
было куплено . . .	261.949
вь субботу 8-го июля	
было куплено . . .	341.807

Итого . 1.618.875

Помножьте эту цифру на семь сь половиной, вы получите изрядную сумму.

Население со спортсменским азартомь сльдит за результатомь своей экономии, — а правительство, чтобы зтоть жарь не остыл, распалаеть его всякими средствами.

Вь середняь июля оно, напримерь, объявило особую „Неделю воздержания“, неделю поста, предлагая гражданамь, насколько возможно, воздержаться оть всяких покупокь, оть театровь, оть пива, оть сладостей, и ссудить государству всеь деньги, какия иьтъ удастся сберечь.

Австрийский разьездь попал вь засаду.

И. Владимировь.
(Осенняя выставка Товарищества художниковь).

Успехъ этого „спорта“ былъ немнѣвѣрный. Солдаты присылали изъ окоповъ, а матросы изъ дальнихъ морей свои кровные пенсы и шиллинги. Школьники, къ которымъ министръ финансовъ обратился съ горячимъ званіемъ, отказались отъ любимыхъ леденцовъ.

Вообще, благодаря Комитету, усиленное потребление всякихъ нужныхъ и ненужныхъ продуктовъ значительно сократилось, оттого и цѣны остались невзвѣнными, хотя, конечно, экономія—не единственный способъ для борьбы съ дороговизной продуктовъ.

— Никто не требуетъ, — сказалъ на-дняхъ министръ экономіи, — чтобы бѣдные люди, у которыхъ впервые появилась возможность освободиться отъ тисковъ нищеты, отказывали себя въ самомъ насущномъ. Нѣтъ, пусть купятъ своимъ дѣтямъ башмаки и кровати, но къ чему же покупать граммофоны, пианино, мѣха, зачѣмъ ходить въ кинематографъ ежедневно! Достаточно и одного раза въ недѣлю. Въдѣ по окончаніи войны за каждый фунтъ стерлинговъ вы купите больше, чѣмъ теперь: все будетъ стоить дешевле. Иначе у правительства не будетъ возможности тратить на веденіе войны 160 миллиардовъ.

Въ Галиціи. У колодца.

И. Владиміровъ.

(Осенняя выставка Товарищества художниковъ).

Судя по отчетамъ англійскихъ газетъ, къ началу ноября 1916 года эти грошевые сертификаты дали англійскимъ военнымъ властямъ 450 милліоновъ.

На войнѣ.

Разсказъ В. Муйжеля. Иллюстраціи И. А. Владимірова.

(Окончаніе).

Званцовъ оглядѣлся, замѣтивъ длинную хвостину и подтянулъ ее къ себѣ. Потомъ взялъ за толстый конецъ, протянулъ далеко другой и потолкалъ вѣтки куста слѣва отъ себя. Выстрѣла не послѣдовало. Онъ перешелъ концомъ хвостины ближе къ тому мѣсту, откуда гремѣли выстрѣлы. Опять выстрѣла не было.

Или ушелъ, или... Онъ самъ двинулся, стараясь выбрать мѣсто почше и вмѣстѣ съ тѣмъ закрытое со стороны того куста. Такъ онъ сдѣлалъ кругъ и почти выползъ на опушку передъ поляной. Теперь ясно видны были три ели на ней и подъ ними темное пятно. Но одно. Значитъ, этотъ здѣсь.

„Тотъ не уйдетъ... А этотъ...“

Онъ приподнялся, перебрѣнулъ обѣими съ патронами, сунувъ прострѣлянную въ карманъ, и двинулся къ тому кусту, изъ-за котораго стрѣляли въ него. Но тамъ уже никого не было: то, что было человѣкомъ, выскѣживавшимъ его, лежало, запрокинувшись назадъ, подогнувъ колѣни подъ себя и склавъ въ холодящихся рукахъ длинный старинный штуцеръ. По открытому рту, по мертво торчащей вверхъ бородѣ Званцовъ увидѣлъ, что онъ мертвъ. Онъ подошелъ, стараясь только не показываться тому, подъ елками, и посмотрѣлъ. Двѣ пули кончили этого: одна въ грудь около разрыва грязной рубахи, другая подъ глазомъ. Этотъ незакрывшійся, уже тусклый и потерявшій влажность жизни глазъ усталъ и неподвижно смотрѣлъ передъ собой. Тонкая, казавшаяся на желтой кожѣ черной, струйка крови обогнула надбровную дугу, затекла во впадину глаза, окружая его страннымъ кольцомъ, и тянулась по щекѣ у носа.

Званцовъ равнодушно отвернулся и прошелъ къ опушкѣ.

До деревьевъ было не меньше двухсотъ шаговъ. Выйти на поляну было ризковано. Тотъ былъ раненъ, былъ боленъ, но послѣ ночи огромнаго напряженія, послѣ пули, скользнувшей вдоль плеча, вѣроятно, задѣвшей какую-нибудь артерію, такъ какъ вся рубашка была мокра отъ крови, и около пояса Званцовъ чувствовалъ эту горячую кровь, какъ будто туда ему налили очень теплой воды, онъ самъ чувствовалъ себя нехорошо. Единственно, чѣмъ онъ держался, это тѣмъ же напряженіемъ, что дало ему силы превозмочь поднимающійся съ вечера жаръ.

— Теперь шансы уравниваются, — пробормоталъ онъ, выглядывая на поляну, гдѣ три ели сумрачно и недоувѣрчиво, какъ будто ища защиты другъ въ другѣ, стояли темной купой,—это уже послѣднее.

Онъ не додумалъ, что послѣднее?—послѣднее ли усиліе, которое онъ долженъ сдѣлать, или послѣднее нападеніе, или послѣднее метаніе того жребія, который рѣшалъ въ эту ночь жизнь

четырехъ людей. Но онъ опредѣленно знаетъ, что одинъ актъ борьбы конченъ, и сейчасъ долженъ начаться второй, можетъ быть, самый страшный.

XI.

Темная кучка, теперь принявшая болѣе опредѣленные очертанія присѣвшаго спиной къ дереву человѣка, была на прежнемъ мѣстѣ. Званцовъ ясно различалъ знакомое лицо, только теперь вырѣзанное, безъ усовъ, какую-то поддевку или свитку, въ которую былъ одѣтъ тотъ человѣкъ, и глаза. Сторожко и внимательно они слѣдили за тѣмъ мѣстомъ, гдѣ былъ онъ. Не было никакого сомнѣнія, что тотъ его не видѣлъ, но выстрѣлы, борьба съ лѣсникомъ привлекли его вниманіе въ эту сторону, и онъ ждалъ. Чего? Лѣсника,—значитъ побѣды, или Званцова, значитъ смерти?

„Но его нельзя убивать, его надо живымъ...“ — мелькнуло у Званцова въ головѣ, когда онъ пытался рассмотреть, что у того въ рукахъ. Онъ смотрѣлъ долго и рѣшилъ: револьверъ, кажется, маузеръ. Во всякомъ случаѣ бой долженъ быть серьезный.

Опять, призвавъ то странное, полувѣрное, полудохотничье состояніе, которое позволяло ему безъ мысли, безъ довода, сразу рѣшиться то или иное и выходить побѣдителемъ, онъ попятился назадъ, въ кусты, и сталъ оползать поляну, какъ это уже дѣлалъ, когда было темно.

Онъ ползъ совершенно тихо, выбирая такія мѣста, которыя не могли бы выдать его даже колебаніемъ вѣтвей кустовъ, часто останавливаясь, прислушиваясь и сохраняя силы, которыя—онъ знаетъ—ему еще понадобятся, и былъ увѣренъ, что тотъ не могъ ни слышать ни даже дотадаться объ его обходномъ движеніи. И когда выглянулъ уже на противоположной сторонѣ поляны наружу, сжалъ зубы и даже скрипнулъ ими отъ разочарованія, досады и какого-то еще болѣе сложнаго чувства: сидя подъ деревомъ, прислонясь къ его стволу спиной, тотъ тоже сдѣлалъ этотъ самый кругъ, центромъ котораго былъ, и теперь смотрѣлъ такъ же сторожко и тревожно прямо въ его сторону.

Званцовъ могъ положить бы голову на отсѣченіе за то, что тотъ не видѣлъ его. Это было понятно, ясно—все напряженное, тревожное выраженіе лица того говорило объ этомъ. Въ этомъ лицѣ была цѣлая сѣть переживаній и настроеній: ожиданіе опасности, неувѣренность, предчувствіе чего-то, что должно неминуемо разразиться, сознаніе своей слабости, тоска обиденнаго опытнымъ охладникомъ звѣря — но это лицо не было лицомъ человѣка, увидѣвшаго прямо передъ собой то, что грозитъ ему. Званцовъ чувствовалъ, что тотъ не видитъ его — но гораздо